

Мамонов-блюз

В Сочи стартовал XVII Открытый российский фестиваль «Кинотавр»

новое шествие - 2006 - 06 июня 9 - с 5

Павел Лунгин (слева) и Виктор Сухоруков стали героями первого вечера...

Виктор Матизен, Сочи

Слово «открытый» в названии какого-нибудь спортивного состязания означает, что в нем могут принять участие иностранные спортсмены. На Сочинском фестивале зарубежные кинематографисты не появлялись уже много лет – с тех пор, как главный его приз достался фильму Теймураза Баблуани «Солнце неспящих». Казалось бы, паразитическое по сути словечко легко было бы выкинуть, но оно вцепилось в название мертвой хваткой, вынуждая выступающих регулярно мазать масло, торжественно объявляя об открытии и без того открытого кинофестиваля.

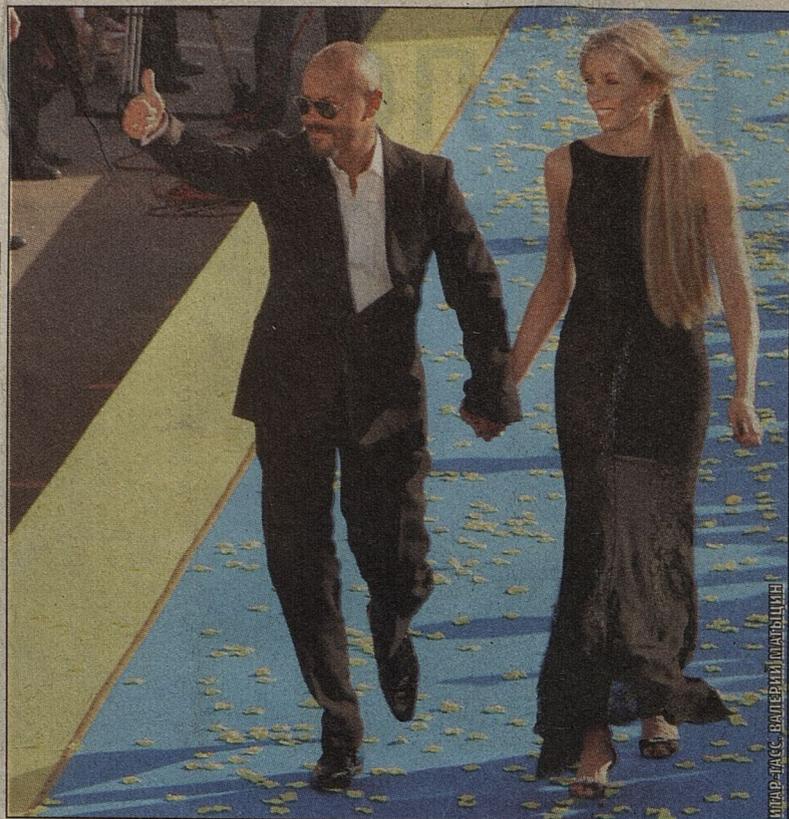
Некоторое недоумение вызвала и вступительная церемония. Ведущий Федор Бондарчук был по-кошачьи вкрадчив и приятно лаконичен, что особенно радовало по контрасту с прошлым годом, где, помнится, солировала Тина Канделаки (язык Канделаки обычно опережает мысли, что прием-

лемо не для всякой публики). Удачными оказались и музыкальные номера, особенно громкое выступление румынско-молдавского ансамбля трубочей. Интриговало оформление сцены, где преобладали наклонные плоскости, а в задней части возвышался черный каркас тетраэдра с вписанным в него желтым шаром. Когда же на площадке появились упакованные в черное фигуры с лицами в черных масках, с утолщениями на поясице и нарочито замедленными движениями, разгул аллюзий в зале стал бесконтрольным – то ли акванангисты без ласт, то ли фантомасы, то ли шахиды. Сидевшие рядом с кинообозревателем «НИ» женщины вздрогнули и заговорили про «Норд-Ост». И в самом деле, легко было представить себе, что одна из фигур сорвется в режим ускоренной перемотки, рванет из пояса гранату и рявкнет в микрофон: «Всем оставаться на своих местах! Это захват! Движение влево, движение вправо – огонь открывается без предупреждения!». К счастью, все обошлось, но что значил сей перформанс или, лучше, сон, навеянный зрителям режиссером церемонии, так и осталось неизвестным.

Параллельно с театральным действием на экране развернулось дейст-

во кинематографическое, напомнившее сеанс в мультиплексе, когда перед фильмом (в данном случае перед «Островом» Павла Лунгина) прогоняют набор рекламных роликов. Но пятнадцать на скорую руку смонтированных трейлеров – чересчур даже для мультиплекса с пивом и попкорном.

Кстати, о еде. Закрывая церемонию, ведущий подчеркнуто пригласил всех, кроме телезрителей, на грядущий банкет – надо полагать, затем, чтобы у сидящих перед телевизором потекли слюнки. Кто позавидовал, того можно успокоить – банкет оказался фуршетом, а у гостей перед глазами текло, да в рот не попало, а если попало, то мало. Потусовавшись в ожидании разлива, гости стали расходиться под звуки все того же румынско-молдавского оркестра, исчерпавшего свой репертуар и зациклившись, как старая виниловая пластинка. Через час – небывалое раньше дело – бетонированный пляж гостиницы «Жемчужина» был практически пуст – официанты деловито убирали столы, человек двадцать сидели на лежаках у воды, да кучка танцующих изображала дискотеку. Впрочем, южная ночь, озаренная половиной луны, была так тепла и хороша, а на том же

...а Федор Бондарчук с супругой – звездами ковровой дорожки.

пляже и рядом с ним находилось столько точек, на которых можно было прилично загрузиться, что расхвалившиеся не солоно хлебавши шибко не расстроились.

На открытии, как уже говорилось, был показан свежий фильм Павла Лунгина «Остров» с Петром Мамоновым, Виктором Сухоруковым и Дмитрием Дюжевым. Лунгин, что бы о нем ни говорили, прежде всего хороший профессионал, с хорошим чутьем на современные темы. На рубеже 90-х он разыгрывал еврейско-антисемитские и рабоче-интеллигентские противостояния в замечательном «Такси-блюзе» и не очень удачном «Луна-парке», в новом веке снял «Олигарха» – как ни крути, единственный фильм о хозяевах российской посткоммунистической жизни, который можно признать всерьез, а в этом году неожиданно снял «православный» фильм. Можно назвать это всеядностью, можно – бесхребетностью, но лучше все-таки видеть в этих зигзагах интерес к жизни, профессионализм и умеренное самовыражение, проявляющееся, например, в провокационном характере его героев, будь то трубач, олигарх, мелкий проходимец или, как сейчас, православный старец.

За душой у старца, живущего в северном монастыре (время действия – 1976 год), – смертный грех: когда-то он убил товарища, пусть и по принуждению фашистов. Каясь и вымаливая у Бога прощение, Анатолий приобретает репутацию святого целителя и вроде бы впрямь помогает страждущим, хотя во всем, что он делает, есть нечто двусмысленное, чтобы не сказать провокационное, бесовское или распутинское. Замышлялось так или нет, но так получилось – главным образом благодаря Петру Мамонову, игравшему у Лунгина еще в «Такси-блюзе». Мамонов привнес в образ собственный разлом и собственный грех, которым он считает участие в «бесовском» ансамбле «Звуки Му». На этот раз Мамонов, если угодно, оказался в роли «пьяного, который играет пьяного», а точнее, юродивого, играющего в юродивого. Эта актерская и жизненная правда вынуждает забыть о некоторой искусственности сюжета и смотреть картину с интересом, чему немало способствуют Виктор Сухоруков и Дмитрий Дюжев, играющие его товарищей по монастырю, не говоря уже о северных пейзажах и чудной стихии церковно-славянской речи, звучащей как музыка даже в ушах атеиста.